

Маклакова Татьяна Борисовна

"КОММУНИКАТИВНЫЙ ШОВ" В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ ТЕКСТА

В данной статье рассматривается пространственно-временной континуум поэтического текста как совокупность процессов организации и самоорганизации. Согласно психолингвистической и лингвосинергетической концепциям текстовое пространство характеризуется неоднородностью как в структурном, так и в семантическом плане. Изучение корреляции внешнего и внутреннего пространственных уровней поэтического текста, авторской интенции и восприятия реципиентов помогает выявить так называемую маргинальную область ("коммуникативный шов"), которая обладает наибольшей прогностичностью, а также фиксирует наиболее эффективный элемент текста и является значимой для восприятия и понимания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 135-138. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-119

Филологические науки

В данной статье рассматривается пространственно-временной континуум поэтического текста как совокупность процессов организации и самоорганизации. Согласно психолингвистической и лингвосинергетической концепциям текстовое пространство характеризуется неоднородностью как в структурном, так и в семантическом плане. Изучение корреляции внешнего и внутреннего пространственных уровней поэтического текста, авторской интенции и восприятия реципиентов помогает выявить так называемую маргинальную область («коммуникативный шов»), которая обладает наибольшей прогностичностью, а также фиксирует наиболее эффективный элемент текста и является значимой для восприятия и понимания.

Ключевые слова и фразы: организация и самоорганизация текста; сильные позиции текста; лакуны; «коммуникативный шов»; внешний и внутренний пространственные уровни текста.

Маклакова Татьяна Борисовна, к. филол. н.

*Московский государственный лингвистический университет (филиал) в г. Иркутске
tanya-834@mail.ru*

«КОММУНИКАТИВНЫЙ ШОВ» В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ ТЕКСТА[©]

Современные направления в лингвистике рассматривают творческий аспект текстовой деятельности, который предстает как непрерывное движение. Разворачивающаяся в пространственно-временном континууме текстовая информация подчинена коммуникативному намерению, согласно которому каждый элемент тестовой структуры выполняет определенную функцию и способствует развертыванию индивидуального содержания.

Коммуникативная природа текста отражает его динамический статус: с одной стороны, текст создается для реализации определенных авторских намерений, а с другой – воспринимается и осознается коммуникатором. Данная особенность активно исследуется в таких междисциплинарных науках, как психолингвистика и лингвосинергетика.

Специфика психолингвистического подхода состоит в рассмотрении текста как единицы коммуникации. Вопросы восприятия, понимания, продуцирования текста рассматриваются в работах В. П. Белянина, А. А. Залевской, И. А. Зимней, В. В. Красных, А. А. Леонтьева и др. [3; 9; 10; 14; 15].

Наш интерес к данной проблеме связан, прежде всего, с особенностями восприятия текстового пространства, которое неоднородно как в структурном, так и семантическом плане.

Впервые вопрос о «скважинах» в процессе коммуникации поставил Н. И. Жинкин. «—«скважины» неизбежны, поскольку текст дискретен, состоит из отдельных элементов, которые, объединяясь в определенные структуры, создают целостность, т.е. континуальность» [8, с. 78].

Интересен подход Н. В. Рафиковой, которая экспериментальным путем выявила структуру семантического поля текста, представленного по принципу «ядро» – «периферия». Между ними располагается так называемая маргинальная (пограничная) область текстовых элементов [22]. Данное исследование подтверждает уровневое восприятие текста.

В. Г. Борботько отмечает «эффект границы», который «обладает притягательностью для всего живого» и связан с «большой энтропией – большим разнообразием стимулов, максимальной информативностью вблизи границы, чем вдали от нее» [5, с. 73].

М. Б. Гаспаров использует метафору наложения «кусков языкового материала», в результате чего происходит «срастание» коммуникативных отрезков и появление «речевого шва», которому принадлежит «важная роль в превращении готовых, отложившихся в памяти кусков речи в новое целое, впервые создаваемое в данный момент...» [6, с. 170].

Наблюдая в пространстве поэтического текста неоднородности (энергетические сгустки, представленные конвергенцией выразительных средств языка, и лакуны (или коммуникативные «скважины»), абсолютно сильные и абсолютно слабые позиции текста (так называемые текстовые границы), микро- и макроэлементы), мы выдвинули гипотезу о том, что распределение коммуникативных фрагментов тесно связано с внутренней структурой текста, интенцией автора и восприятием.

Таким образом, цель данного исследования состоит в изучении корреляции внешнего и внутреннего пространственных уровней поэтического текста и выявлении прогностической функции «коммуникативного шва».

Пространство – базовая характеристика текста. Однако в нашем понимании пространство резко отличается от представлений пространства М. Бахтиным как реального, изображаемого в тексте пространства [1], как полифонического пространства с точки зрения автора, персонажа, получателя [23], как семиотического пространства [16] и пространства как текстовый знак [17].

Нами пространство трактуется как наглядный геометрический образ, а текст, соответственно, представляется в виде «кооперативности различных пространств его существования» [2, с. 122] или иерархии пространственных структур, внешних и внутренних.

Проблема пространства текста изучалась в лингвистике В. И. Корольковым, который, опираясь на теорию параметров текста, выделял: 1) протяженность (чрезмерный лаконизм – чрезмерное многословие); 2) связность (запутанность); 3) различность (чрезмерное единообразие – чрезмерное однообразие) [13, с. 88].

В качестве пространственных характеристик текста выделялись фонетические, лексико-синтаксические и структурные параметры [19].

И. Ю. Моисеевой была предпринята попытка исследования синтаксического пространства текста как динамической системы, которая представлена «в виде конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических групп...», объединенных симметрией или асимметрией [20].

Как отмечает Л. П. Киященко: «Пространственные характеристики отнюдь не сводятся к плоскостной геометрии Евклида, реализуемой на плоскости листа при письменном воплощении языка. Пространство распространения языка в его речевом варианте, его география хотя и не бесконечна, но безгранична... Кроме того, пространство онтологии языка имеет параметры глубины и плотности в звуковом воплощении языка...». Поэтому текст предстает в виде «полифункциональной пространственности» [11, с. 95].

Таким образом, пространство текста может быть представлено как «структурированный сгусток информации» [18, с. 21], а также с позиции внутренних процессов речевой деятельности, и раскрыто путем моделирования внутритекстовых пространств: внешних (формальных) и внутренних (структурно-семантических).

Внешнее пространство отождествляется с горизонтальной динамикой текста и представляет формальное рассредоточение словесного материала от начала к концу согласно текстовой матрице [21].

Внутреннее пространство рассматривается нами с лингвосинергетических позиций как вертикальная динамика, которая проявляется во внутренней, спонтанно созданной, наиболее значимой области текста, сосредоточивающей его доминантный смысл. Вертикальное пространство – это некое квазипространство, которое создается в результате флуктуации размера предложения относительно статичных точек горизонтальной структуры текста (Н (начало), ГЦн (гармонический центр начала), ГЦ (гармонический центр), К (конец)) [Там же]. Форма текста, приобретая объем (массу словесного материала), неосознанно выдвигает на первый план наиболее существенное – аттрактор (*atrahere* – лат. притягивать). Флуктуации размера предложения относительно позиционных срезов создают разнообразные циклические связи. Нарастающая плотность циклов «выталкивает» особую структуру, которая представляет собой креативный аттрактор. Самый мощный циклический аттрактор становится креативным [Там же].

Таким образом, вертикальная динамика текста создается благодаря креативному аттрактору как наиболее интенсивному и эффективному фрагменту структуры текста, который концентрирует в себе оригинальные идеи и резко отличается от остального текста [4; 7; 21].

В зависимости от локализации в тексте креативного аттрактора (КА) выявляются центростремительные модели формы текста (КА преимущественно локализуется в зоне гармонического центра (ГЦ)), началостремительные модели (КА локализуется в зоне начала (Н)), концестремительные модели (КА локализуется в зоне конца (К)).

Креативный аттрактор формирует семантическое пространство текста, оформляет его смысловые пики, поэтому обнаруженный в пространстве поэтического текста смысловой пик фиксирует пограничную область, так как за подъемом всегда следует спад. Данную область, опираясь на терминологию М. Б. Гаспарова, мы будем именовать «коммуникативным швом».

«Коммуникативный шов» – это маргинальная область текстовой структуры, характеризующаяся резким перепадом граничных условий и фиксирующая наиболее эффективный элемент текста.

Согласно нашей гипотезе область «коммуникативного шва» должна обладать прогностической функцией.

Изучение процессов текстовой организации и самоорганизации, на наш взгляд, особенно эффективно, когда сопоставимы разнообразные текстовые параметры и процессы: внешняя структура, внутренняя структура, особенности продуцирования и восприятия.

Стихотворение иркутского поэта С. В. Корбута «Хочу виниться в том, в чем нет моей вины» [12, с. 56] было обработано с помощью компьютерной программы *Lingvo 7*, созданной С. В. Панариным по алгоритмам Г. Г. Москальчук. Данная программа автоматически вычисляет размер текста в словоформах и предложениях, размечает позиции текста, отмечает шесть позиционных интервалов различным цветом и определяет формулу текста.

Стихотворение имеет наиболее гармоничную внутреннюю структуру /22211/ (согласно классификации, представленной Г. Г. Москальчук [21, с. 281]), с максимальным количеством плотностей в области предГЦ. Баланс формы стихотворения: /642135/. Динамика формы данного текста является центростремительной и появляется в результате резкого повышения конкуренции крутых и пологих границ. Таким образом, именно в структуре данного стихотворения происходит резкий скачок, характеризующий область предГЦ. Данная структура наиболее гармонична для восприятия, так как совпадает с зоной ГЦ позиционной матрицы [Там же, с. 133]. Резкая смена граничных условий (появление «коммуникативного шва») формально выражается при помощи графического (многоточия) и просодического (пауза) элементов, которые способствуют делению текста на два отрывка. Таким образом, именно в этом стихотворении происходит совпадение внешней формы текста с внутренней.

Данный факт натолкнул нас на мысль изучить авторскую интенцию данного стихотворения. Обратившись к поэту Сергею Владимировичу Корбуту с вопросом о том, какие строки явились наиболее определяющими в стихотворении, получили следующий ответ: «**Мы существуем в тех, кому еще нужны. И через них – в себя распахиваем двери**». Это ключевая мысль. Соединение открывает собственный мир. Понимаем себя через других. Многоточие фактически обозначает разрыв мысли на две: от конкретного человека к взаимоотношениям со всеми» (из устной беседы с поэтом – прим. автора Т. М.).

Стихотворение содержит 47 словоформ и 6 предложений. Состоит из двух четверостиший. В тексте специальными знаками отмечены 6 позиционных зон. Основная авторская мысль охватывает две позиционные зоны: постГЦ начала и предГЦ (выделена курсивом). Фигура умолчания маркирует зону ГЦ (лексема ПОДЧАС). Согласно внутренней структуре после ГЦ с максимальным количеством циклических связей (12) происходит резкий спад до 8 (см. Рис. 1), фиксируя маргинальную область.

Хочу виниться в том, в чём нет моей вины. /
Хочу поверить в то, **во что** напрасно верить...
Мы существуем в тех, кому ещё ^ нужны,
и через них – в себя распахиваем двери.
Сердце взаимосвязь... Припомним ли **ПОДЧАС**
поэтов и друзей, открывших нас друг другу?
Каких судеб сквозняк пронизывает ^ нас,
едва моя рука твою обнимет руку [12, с. 56]?

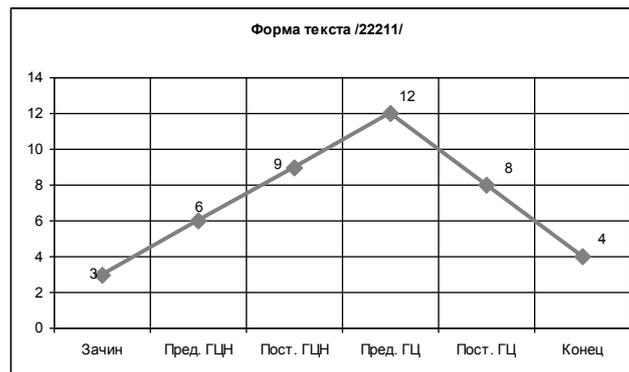

Рис. 1. Внутренняя структура стихотворения «Хочу виниться в том, в чем нет моей вины...»

Строгое соответствие внешней формы (наличие в структуре текста формального элемента – фигуры умолчания, маркируемой многоточием и паузой) с внутренней формой, проявляющееся в локализации креативного аттрактора в зоне предГЦ, совпадает с намерением автора: противопоставить взаимоотношения одного человека с множеством других.

Последним этапом подтверждения гипотезы явился психолингвистический эксперимент по восприятию ключевых слов стихотворения. В эксперименте приняли участие студенты первых курсов, обучающиеся по направлению подготовки «Лингвистика», в количестве 74 человек. В результате статистического анализа мы выяснили, что основная мысль («*Мы существуем в тех, кому еще нужны. И через них – в себя распахиваем двери*») определена 61% студентов.

В данном стихотворении мы наблюдаем полный изоморфизм внешней и внутренней динамики формы, что подтверждает наличие спонтанных способов достижения гармонии структуры текста. Резкий перепад внутривидовых связей маркируется на внешнем уровне фигурой умолчания, т.е. паузой, ослаблением просодической динамики текста, и абсолютно совпадает с авторской интенцией и восприятием реципиентов.

Таким образом, пространственно-временной континуум текста отражает динамические процессы становления формы и содержания. Гармоническое сопряжение внешнего и внутреннего пространственных уровней текста создает особую маргинальную область – «коммуникативный шов», который на внутривидовом уровне представлен резким перепадом циклических связей, на внешнем уровне фиксирует ключевой элемент текста. Следовательно, «коммуникативный шов» можно рассматривать как прогностическую область, которая способствует адекватному восприятию и пониманию текста.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Белоусов К. И. Форма текста и его структуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология и журналистика. 2005. № 1. С. 120-129.
3. Белянин В. П. Психолингвистика: учебник. М.: Флинта, 2003. 232 с.
4. Болдырева Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста: дисс. ... к. филол. н. Оренбург, 2007. 208 с.
5. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 288 с.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
7. Добрынина Н. В. Восприятие англоязычных текстов носителями русского языка как синергетический процесс: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2009. 20 с.
8. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 160 с.
9. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 2000. 381 с.
10. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.

11. Княшенко Л. П. В поисках исчезающей предметности. М.: [б.и.], 2000. 196 с.
12. Корбут С. В. Все стихи. Иркутск: [б.и.], 2005. 220 с.
13. Корольков В. И. К теории фигур // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. М.: МГПИИЯ, 1973. Вып. № 78. С. 60-93.
14. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
15. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.
17. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
18. Манаков Н. А. Физические параметры структуры текста // Естественные науки и экономика. 2000. Вып. № 5. С. 21-26.
19. Михеев А. В. Влияние лингвистических параметров текста на эффективность речевого воздействия // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания, 1985. С. 117-118.
20. Монсеева И. Ю. Принципы исследования синтаксического пространства текста как динамической системы // Мат-лы 3-й Междунар. науч.-практ. конф.: Языковая картина мира: Лингвистические и культурологические аспекты (30 ноября – 1 декабря). Бийск: Бийский гос. пед. ун-т, 2006. С. 319-324.
21. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
22. Рафикова Н. В. Опорные элементы понимания текста // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1995. С. 89-96.
23. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995. 357 с.

“COMMUNICATIVE STITCH” IN THE SPACE-TIME CONTINUUM OF A TEXT

Maklakova Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Moscow State Linguistic University (Branch) in Irkutsk
 tanya-834@mail.ru

The article examines the space-time continuum of a poetical text as an integrity of the processes of organization and self-organization. According to psycholinguistic and linguo-synergetic conceptions a textual space is characterized by heterogeneity both in structural and semantic aspect. Studying the correlation of the external and internal spatial levels of a poetical text, author's intention and recipients' perception helps to identify the so called marginal sphere (–communicative stitch”) which is the most predictive, registers the most effective element of a text and is important for perception and understanding.

Key words and phrases: organization and self-organization of a text; strong positions of a text; lacunas; –communicative stitch”; external and internal spatial levels of a text.

УДК 80/81

Филологические науки

В статье автор приводит основные принципы функциональной лингвосинергетики, обосновывает их применение к исследованию притяжательности, описывает главные характеристики дискурса. Кроме того, рассматриваются особенности формирования прагма-семантического притяжательного смысла в зависимости от определенного дискурсивного пространства на примере английского дискурса. Автор подчеркивает обусловленность выбора средств выражения притяжательности тем или иным дискурсом.

Ключевые слова и фразы: функциональная лингвосинергетика; дискурс; притяжательность; отношение; прагма-семантический притяжательный смысл.

Малахова Виктория Леонидовна, к. филол. н.
 Белгородский юридический институт МВД России
 mv@zmail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО СМЫСЛА[©]

В процессе познания действительности человек, являясь активным субъектом, вступает в определенные отношения с окружающими его объектами – одушевленными и неодушевленными. Многообразие объектов и разнообразие связей между человеком и окружающим миром обуславливает различные субъектно-объектные отношения, среди которых значительное место занимают притяжательные отношения.

Под притяжательностью мы понимаем функционально-семантическую категорию, включающую в себя прагма-семантические значения притяжательности и средства их вербализации. Данная категория выражает связь объекта с другими объектами внешнего мира (внешние отношения), а также связи (взаимодействие) внутри самого объекта (внутренние отношения), репрезентируя тем самым идею отношения [1; 5]. Это дает основание говорить о притяжательности как об особом виде отношений – отношении притяжательности или притяжательных отношениях, представляющих собой сложный комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных значений, не сводимых только лишь к обладанию [3].